

АНТОН
ПЕРВУШИН

«ГРОЗА» В ЗЕНИТЕ

Антон Иванович Первушин

«Небо должно быть нашим!»

Авторский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=165474

Аннотация

Космическая эра началась 4 октября 1957 года - в день, когда советские ракетчики вывели на орбиту первый искусственный объект. Они называли его «Спутник», и это название навсегда закрепилось в языках народов мира. Исторический запуск предопределил развитие космонавтики на десятилетия вперед. Но что, если первыми свой спутник в космос запустили бы американцы? Как изменилась бы история мира? Кто стал бы первым космонавтом? Кто первым ступил бы на Луну? Кто полетел бы на Марс?.. Антон Первушин известен как историк и популяризатор космонавтики. В повести «Небо должно быть нашим!» он выступает в качестве фантаста, представляющего альтернативную и совершенно необычную историю мира и космоса.

Содержание

ФРАГМЕНТ ПЕРВЫЙ	4
ФРАГМЕНТ ВТОРОЙ	19
ФРАГМЕНТ ТРЕТИЙ	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Антон Первушин
**«Небо должно
быть нашим!»**
**Рукопись, найденная
в межпланетном
пространстве**
ФРАГМЕНТ ПЕРВЫЙ

27 сутки полета

...Алексей убедил меня, что нужно вести дневник.

Я отказывался, говорил, что бортового журнала командира вполне достаточно. Но Алексей сказал так:

– Видишь ли, в бортовом журнале люди пишут о том, что происходит на корабле. А не о том, что думает экипаж. Наш полет – это самое необычайное приключение в истории человечества. Его будут изучать потомки. В институтах, в школах даже. Каждая, написанная тобой страница, станет открытием для будущих поколений. И что ты хочешь оставить им? Сухие записи? Провели коррекцию? Посидели на вело-

тренажере? Починили сливной бачок? Скучно, девушки! А вот если ты запишешь, что мы тут думали, о чем мы говорили, – это будет интересно, это будет представлять ценность...

Я спросил Алексея:

– Ты предлагаешь рассказывать все, как есть?

– Конечно же, – ответил он. – Ничего не скрывай. Допустим, твой дневник засекретят. Но лет через пятьдесят гриф снимут. И вот тогда наши мысли станут документом эпохи.

Я подумал над его предложением.

Наверное, он прав. В любом случае первый этап полета завершен, системы налажены, и теперь мы прибегаем только к мелкому ремонту да изучаем медицинские показатели друг у друга. Свободного времени стало очень много. Хватает и на то, чтобы спокойно пообщаться, вспомнить прошлое, подумать о будущем...

Меня беспокоило только одно. И об этом я без обиняков сказал Алексею.

– Слушай, – сказал я. – Мы ведь с тобой живем здесь и сейчас. Мы ведь не знаем, что будут думать потомки о нашем полете. Вдруг они сочтут его величайшей глупостью человечества? А наши с тобой разговоры станут подтверждением этой глупости?

Алексей нахмурился, но потом снова повеселел.

– Разве кто-нибудь считает глупостью экспедицию Колумба? – возразил он. – Кто-нибудь считает дураками Магеллана или Крузенштерна? Нет, ими восхищаются. Будут восхи-

щаться и нами. Даже когда межпланетные корабли долетят до края Солнечной системы, когда на Луне, Марсе и Венере появятся гостиницы для туристов, – даже тогда наш полет будет вызывать уважение. Ведь мы были первыми. Не забывай об этом. Мы первые!

Не могу не согласиться. Мы первые! И за это нам многое простится...

28 сутки полета

...Алексей подал дельную идею. Чтобы как-то увязать одно с другим внутри дневника, нужно писать не только о том, что мы обсуждаем и о чем думаем сегодня, но и о том пути, который мы прошли, прежде чем оказаться здесь. Проще говоря, он предложил написать мемуары. Я отшутился: «Молод еще, а ранняя смерть от алкоголизма мне не грозит». А потом решил, что он, похоже, снова прав.

После первого полета, после всей шумихи, пресс-конференций, банкетов, издательство «Правда» заказало мне книгу воспоминаний. Вроде бы, все пишут, и я должен. Пошел к Каманину за советом. А он говорит: «Не беспокойся, при любом издательстве толпа голодных писателей прикармливается. Накропает какой-нибудь борзописец, а ты подпишешься». И ведь знал, о чем говорил. Так оно все и получилось.

Свели меня с таким ушлым мальчиком – Валькой Сафоновым. Молодое дарование. За него сам Голованов похлопотал. Он со мной и туда, и сюда, разве что в сортир не пролез.

И все выпрашивал – особенно, за рюмкой. Потом пропал на полгода. А через полгода звонят из «Правды»: «Приезжайте за гонораром и авторскими экземплярами».

Почитал я ту книгу. Большой выдумщик оказался этот Сафонов. Изобразил меня чуть ли не вторым Циолковским. Будто я с детства астрономией увлекался, космическими полетами грезил и даже какие-то модельки под плотничьим столом мастерил. И всех своих односельчан подбивал построить ракету и лететь на Луну. Откуда он это взял, ума не приложу. Но книжка многим нравится. Вот и Алексей ее одобряет. Говорит, что в ней описан не человек, а легенда. А легенда всегда привлекательнее живого человека.

Я к чему вспомнил об этом? К тому, что пора писать, как оно было на самом деле. Без ссылок на требования издательства «Правда». И без прикрас. Хотя и кажется, что биография у меня заурядная в сравнении с тем, какие грандиозные события произошли в Советском Союзе за последние двадцать лет, но и в ней есть яркие страницы – которые способны поразить воображение даже искушенных людей. В этом смысле не жалуюсь...

29 сутки полета

...Если быть до конца честным перед собой и перед потомками, то могу заявить: астронавтикой я в молодости не увлекался. И в астронавты не собирался. Потому что ничего не знал ни об астронавтике, ни о ракетах, ни о Циолковском.

А вот военным стать, офицером – это да, было. Например, танкистом.

Родился-то я в селе, на Смоленщине. Жили бедно, хоть и вкалывали. Образования толкового получить я не мог и на институты не рассчитывал. Так что теперь понимаешь, один путь был вырваться – уйти в армию. А тогда еще накладывалось предчувствие войны. Оно буквально висело в воздухе. Тревожность, словно перед грозой.

Помню, соберет отец приятелей за столом, выпьют самогона и давай рассуждать, какая у нас будет тактика и стратегия, если немцы нападут. В том, что немцы нападут, никто не сомневался. И в том, что мы дадим им решительный отпор и погоним до самого Берлина, тоже никто не сомневался. А нам, мальчишкам, только того и надо. Потому что романтика. Сидим на лавке, уши развесим. Нам хотелось быть офицерами, стрелять из всамделишного оружия, получать ордена. Нам хотелось на войну. А о том, что на войне убивают, мы не думали. Кто же верит в смерть, когда тебе нет еще и десяти? А тут и песня о трех танкистах. И фильмы соответствующие...

Позже мой старший брат стал танкистом, а меня судьба миловала. Война все-таки началась, а сокрушительного разгрома немецких захватчиков не получилось. Помню, как немцы входили в наше село. Сначала самокатчики проскочили на велосипедах. А потом въехал на улицу и остановился напротив нашего дома танк. С белой свастикой на броне.

Сверху сидел танкист в черном пропыленном комбинезоне, в кожаной фуражке и в очках-консервах, какие любят мотоциклисты. Огляделся немец вокруг и заметил меня, жмущегося к веранде. Снял очки и улыбнулся. Но такой у него при этом был волчий оскал, такой холодный стальной взгляд, – что я навсегда зарекся даже думать о том, чтобы пойти в танковые войска...

Немцы, кстати, остались надолго. Мой юный биограф Сафонов написал в книжке, будто бы всю нашу семью выселили из дома и заставили жить в землянке. Это он так мое прошлое обеляет. Ерундистика, конечно. Никого немцы не выселяли – партизан боялись да и вообще. Но потесниться нам пришлось: прислали нам на постой механика Альберта. Баварец с будкой, как у бульдога. И сволочь редкая. По-русски он ни бельмеса не понимал и учиться не хотел. Потому что считал себя нашим хозяином. Пришлось отцу как-то находить с ним общий язык. Но все равно мы не знали, чего от баварца ждать. Бывало, сидит-сидит, а потом такое выкинет – только держись. Как-то Борьку, моего младшего брата, схватил, затянул шарф на шее и к яблоне привесил. Насилу откачали. Фашист, короче. Очень надеюсь, что этого Альберта наши войска потом взяли в плен и повесили...

С другой стороны, теперь-то я понимаю, что без войны не было бы советской астронавтики. Да и нашего полета не было бы. Немцы создали первые тяжелые ракеты «Фау-2» и первыми запустили их – этого из истории не выкинешь. Хотя

и предназначались их ракеты для того, чтобы обстреливать Лондон, а главный конструктор Вернер фон Браун был нацистом и эсэсовцем в больших чинах, — все же роль свою они сыграли. Наши и американцы к тому времени только о ракетных ускорителях для самолетов задумывались, а тут такая дура — выше ста километров поднимается. Королев рассказывал однажды, что наши инженеры были потрясены, когда увидели эти ракеты. Говорили: «Такого не может быть, потому что не может быть никогда». Но потом опыт изучили и быстро привыкли. И гораздо лучше ракеты научились делать.

Кстати, до сих пор ходят слухи, будто бы в начале 1945 года немцы посадили в «Фау-2» пилота, и он улетел в космос. Обсудили эту тему с Алексеем. Он считает, что это полная ерунда. Даже если бы у «Фау-2» хватило тяги вытащить герметичную кабину с пилотом на орбиту, смысла в этом полете никакого. Русские танки к Берлину рвутся — какие могут быть космические полеты?.. А я считаю, что не ерунда, а пропаганда. Многие хотели бы историю пересмотреть и наши космические достижения принизить. Чтобы, значит, в представлениях обывателей мысль о превосходстве западной техники укрепить. Мол, еще в сорок пятом году немецкий пилот в космос вышел, а Советский Союз этот опыт только воспроизвел. Если так рассуждать, можно вообще все что угодно придумать. Например, писали же в двадцатые годы, будто Циолковский строит ракету для полета на Луну. Давайте

предположим, что он ее построил и даже слетал. Чем плоха версия?..

30 сутки полета

...Алексей нарисовал в своей тетради характерный профиль Циолковского и эскизы ракет. Получилась гармоничная и осмысленная картинка. Лишний раз убедился, что Алексей – чертовски хороший художник, рисует уже на вполне профессиональном уровне. Я вот этого дара лишен совершенно, а у него все получается легко и красиво.

Вспомнили и поговорили о Константине Эдуардовиче. Я рассказал Алексею, что слышал от одного из наших академиков, который работал над лунным проектом, будто бы Циолковский ничего не сделал для астронавтики. Ни одна из идей калужского учителя не была реализована, потому что они являются «ненаучной фантастикой». Формула Циолковского на самом деле была выведена Мещерским. А сам Циолковский в своих философских работах пропагандировал фашизм и геноцид.

– И ты с этим мнением согласился? – удивился Алексей.

– Нет, конечно, – отвечал я. – Ты же знаешь, как я чту Константина Эдуардовича. Ну а что тут возразишь? Идеи его действительно не были реализованы. Потому что после войны стало ясно: нерационально строить все эти связки ракетопланов и космические поезда – дорого, громоздко, ненадежно. Формула Циолковского и вправду – частный случай

от формулы Мещерского движения тела переменной массы. Так нам на теоретических курсах рассказывали. А что касается пропаганды фашизма, так для этого я с собой новое переиздание трудов и взял, чтобы разобраться.

– Разобрался?

– Нет пока еще. Но разберусь.

– Разберись обязательно. А пока послушай меня. Циолковский творил, когда мы с тобой еще и в родительских планах не числились. А страна наша называлась не Советским Союзом, а Императорской Россией. И астронавтика в той стране была не в чести, считалась занятием для чудаков и сумасшедших изобретателей. В лучшем случае – темой для фантастов. Непонятно было, кому она нужна и зачем. Перед Циолковским стояла почти непосильная задача. Он должен был не просто описать проект космического корабля, не только доказать, что выбранная им схема лучше всех остальных, но и объяснить обыкновенным людям, почему они должны строить космические корабли. Он был обыкновенным школьным учителем из Калуги, но сумел стать Учителем с большой буквы – он создал не теорию, но мировоззрение. И создал его из того, что было. Многие его идеи кажутся нам сегодня странными. Или даже антигуманными. Но никогда не следует забывать, что он был сыном своего времени. И говорил на языке своего времени. И на фоне многих других Циолковский выглядит исключительным гуманистом. Вспомни чем кончил Вернер фон Браун. Тоже ведь

считается пионером астронавтики...

– А как же формула?

– А что формула? Мещерский создал научную теорию, которая и тогда и теперь не понятна для дилетантов. Так бы она и осталась теорией. А Константин Эдуардович сделал шаг вперед – он вдохнул в эту теорию жизнь. Кто еще в России до Революции был способен на это?..

Такой вот у нас с Алексеем разговор получился. И можно сказать, он мне открыл глаза. Ведь раньше я незатейливо восхищался гением Константина Эдуардовича, а теперь начал понимать, какую мыслительную работу учителю из Калуги пришлось проделать, чтобы вырваться за пределы обыденности, подняться над провинциальным мировоззрением и разглядеть будущее. А сколько нужно иметь терпения, воли, чтобы достучаться до других людей, зажечь их своей мечтой, убедить и повести за собой?..

И меня он тоже убедил. И зажег. И повел. Я вообще-то впервые задумался о космических полетах после того, как в Саратовском техникуме наш преподаватель физики Николай Иванович поручил мне сделать двадцатиминутных доклад о Циолковском. Пришлось отправиться в библиотеку и взять все, что там было за авторством Циолковского. Помню, отыскал книгу «Труды по ракетной технике» 47-го года издания и потрепанную довоенную брошюрку с романом «Вне Земли». Начал читать и увлекся. Потрясал размах воображения. Картины глобального заселения космоса завора-

живали. И вся наша жизнь как-то сразу обрела смысл. Я ведь вошел в тот возраст, когда нужно уже решать, какой путь в жизни выбрать, и вопрос осмысленности этого выбора был для меня вовсе не праздным.

В самом деле, думал я, ведь когда-нибудь коммунизм победит. Голод, разруха, болезни уйдут в прошлое. Каждый будет жить в красивом дворце посреди цветущего сада. Изучать науки, творить искусство, развивать себя спортом. Всю грязную нетворческую работу будут делать умные машины. Но что будет дальше? Неужели наступит конец истории? Это, конечно, хорошо, когда все проблемы решены, думал я, но какая сила будет двигать коммунаров вперед, не давая им успокоиться, почить на лаврах? И Циолковский отвечал на мои вопросы. Тех, кто будет жить при коммунизме, увлечет идея освоения и заселения космических далей. Сначала нужно построить ракеты, затем совершить пробные полеты в околоземное пространство, еще позже – высадиться на Луну и планеты Солнечной системы. Потом нужно начать строительство «эфирных островов» – огромных обитаемых станций, способных десятилетиями носиться в космосе. А еще позже потомки жителей этих станций отправятся к звездам. Человечество расселится по Млечному Пути и станет самой могущественной цивилизацией во Вселенной.

Я, конечно, не надеялся стать одним из тех, кто полетит в космос, – ведь Циолковский писал, что произойдет это еще очень нескоро. Но одна мысль в его работах меня зацепила. В

малоизвестной работе «Основы построения газовых машин, моторов и летательных приборов» Константин Эдуардович утверждал, что путем достижения космоса может стать поэтапное совершенствование аэропланов с ракетными двигателями. Сначала простые и дешевые летательные аппараты докажут преимущества новых двигателей при достижении больших высот и скоростей. А когда население к ним привыкнет, когда появятся подготовленные кадры, способные работать с этой техникой, – тогда можно будет говорить о построении сложных авиакосмических комплексов. Понадобятся летчики, понял я, много летчиков. Я решил стать одним из таких летчиков...

31 сутки полета

...Алексей читает мои записи и посмеивается. Не верит, что студент техникума, приехавший из «глубинки» в Саратов, мог так связно излагать самому себе столь сложные идеи.

– Придумываешь, – говорит Алексей. – Ты это потом для себя упорядочил. Уже когда в Отряде был. И про движущие силы коммунизма. И про конец истории. И про ракетопланы.

– Ничего подобного! – отвечаю резко, потому что сомнения Алексея в моей искренности задевают. – Я сформулировал уже тогда. Мне доклад поручили, ты забыл? А когда пишешь доклад, то нужно делать выводы на основе изученного материала. Вот я и сделал.

– И какую оценку тебе поставили за доклад?

– Хорошо.

– Ха-ха, – смеется Алексей. – А почему не отлично?

У меня готов ответ:

– Потому что не надо было коммунизм пристегивать. Времена-то были еще те. Ошибиться в понимании политического курса было опасно. Тогда, если помнишь, очень популярна была теория о возрастании сопротивления врагов по мере приближения к коммунизму.

– Во-во, и я про это. С чего бы вдруг студенту техникума о таких вещах думать?

– А с чего бы я тогда из литейщиков в летчики подался?

Алексей посмотрел с непонятной искринкой в глазах, но спорить больше не стал. И правильно. Нечего тут спорить.

А я точно помню, что после того доклада стал за темой следить. Если встречалась заметка или статья о ракетной технике и астронавтике, то внимательно изучал ее. Узнал тогда о Цандере и Кондратье. Узнал о запусках советских геофизических ракет и о теории марсианской растительности. Прочитал книжки Чернышева, Космодемьянского и Ляпунова. Так что, с тех пор астронавтика для меня стала предметом увлечения – хобби, как говорят англичане.

Это знание мне сильно помогало: и в аэроклубе, и потом в Оренбургском училище. Летчики – люди заводные. Их завораживают разговоры о полетах еще выше, еще быстрее. А я как бы не только языком трепал, но мог на авторитеты ссы-

латься. И цитировал к месту. За это в училище меня выделяли, и закончил я его истребителем первого разряда.

В гарнизоне – та же история. Потом Веня Киселев, сослуживец, рассказывал, что за глаза офицеры меня Лунатиком прозвали. Прозвище на самом деле не обидное, скорее – уважительное. А главное – как в воду глядели.

Или вот другой случай, но из той же оперы. Был у нас один прохиндей в гарнизоне – разрисовывал ради шутки фуражки младшим офицерам. Уж и били его, и на «губу» сажали, и фуражки прятали, – а он все равно: сопрет фуражку и кота на внутренней стороне нарисует. А потом со смехом вернет. И у меня, конечно, спер. Только нарисовал не кота пушистого, а какое-то чудо-юдо с щупальцами. Я прохиндея поймал, но не для того, чтобы побить, а ради интереса: почему у всех коты, а у меня – чудо-юдо? «Так это кот, – отвечает. – Только марсианский!»

В общем, они шутки шутили, а я знал: скоро уже что-то случится, накопленного опыта вполне достаточно для начала освоения космоса. А значит, нужно ждать потрясающих новостей. И прямо скажем, я верил, что первыми будем мы – Советский Союз. Ведь для этого имелись все предпосылки: самое образованное общество, самый прогрессивный строй, задел пионеров ракетостроения...

1 сентября 1956 года мне пришлось пересмотреть свои взгляды.

Потому что американцы запустили свой спутник. И это

был первый искусственный объект, стартовавший с Земли в космос. До них никто ничего подобного не делал. Только в романах у писателей...

ФРАГМЕНТ ВТОРОЙ

35 сутки полета

...У писателя О'Генри есть замечательный рассказ «Справочник Гименей». Я вспоминаю этот рассказ все чаще и чаще. Он очень актуален для нас с Алексеем. Помните, как там было сказано? «Если вы хотите поощрять ремесло человекоубийства, заприте на месяц двух человек в маленькой хижине. Человеческая натура этого не выдержит!» Превеличивал, конечно же, О'Генри. Наверное, он прав, когда речь идет о малознакомых людях. Но мы-то с Алексеем знаем друг друга давно и не первый раз путешествуем в тесном обитаемом объеме межпланетного корабля, нас подбирали на совместимость, а потом еще учили терпимости. В общем мы двое – хорошо подготовленный экипаж, внутри которого практически не бывает конфликтов. К тому же я помню, что Алексей однажды спас мне жизнь. Если у нас случится размолвка, я снова вспомню это и прогоню обиду, какой бы сильной она ни была. Поэтому рассказ О'Генри я вспоминаю в другой связи. В рассказе описано, как два золотоискателя, отрезанные бурей от цивилизации, пытаются сохранить душевное здоровье чтением книг, но книг у них всего две: один берет «Справочник необходимых познаний», а другой – сборник стихов Омара Хайяма. Эти книги поменяли всю жизнь золотоискателей, одного сделав прагматиком, а дру-

того романтиком. Такая вот история.

У нас на корабле тоже есть книги. Но нам повезло больше, чем золотоискателям, – нам предоставили выбор. Из-за ограничений по весам было разрешено взять только по две личные книги. Всё остальное – справочники и таблицы для работы. Я долго думал, что выбрать, а потом понял: пока есть возможность, нужно мне разобраться с теми вопросами, которые еще остались. Поэтому я взял с собой книгу Циолковского, сборник его малоизвестных работ. А к ней – «Краткую историю мировой философии». И поставил перед собой задачу – выяснить, насколько изменились взгляды человечества после того, как появился космизм. Это очень важный вопрос. Может быть, самый важный из всех, которые я себе когда-либо задавал.

Алексей, узнав о моем выборе, долго ехидничал, утверждал, что я так перед начальством выслуживаюсь. Но я ему на это сказал: «Мне уже нет нужды выслуживаться. Я был первым на Луне. Это что-нибудь да значит!» Пришлось Алексею заткнуть свое ретивое, вот.

Сам он взял в полет два сборника фантастики: советской и американской. И гордо в заявке написал, что хотел бы с помощью этих книг определить перспективы дальнейшего развития астронавтики. Демагог! Дешевых развлечений он хотел!

И вот что интересно. На нас эти книги тоже влияют заметным образом. Как на тех золотоискателей.

Вчера Алексей в десятый раз мучил американский сборник, а утром заявил, что ему приснился страшный сон. Будто бы он – вице-президент какого-то частного банка, сидит в огромном кресле, секретарша там у него и так далее. А потом подходит к окну, а за окном, – горящая Москва и трупы на улицах. Стали думать, к чему такой сон. Решили, что таким образом подсознание Алексея протестует против того видения будущего, которое заложено в американских рассказах. Обсудили. Получается, что американские писатели экстраполируют свое настоящее в галактическое будущее. По мнению американцев, даже когда межзвездные корабли будут бороздить Млечный Путь, все сохранится: деньги, банки, суд Линча, продажные политики и полицейские. А на кораблях будут летать эдакие ковбои с лассо и в сапогах со шпорами. Но мы-то знаем, не для того человек проник в космос, чтобы мерзость всякую туда нести. Да и невыгодно это: сохранять устаревшие товарно-денежные отношения там, где речь идет о ежеминутном выживании, космос – не курорт. Капиталисты в космосе обречены на вымирание. Возьмем гипотетическую ситуацию. Летят в корабле десять человек и все пользуются одинаковым количеством запасов воды-еды-кислорода. И вот среди них появляется «деловой», который оказывает услуги и за это требует себе большую долю, чем полагается по регламенту. Если не найдется в команде сильный лидер, который поставит хитрована на место, тот всех остальных в кабалу скоро возьмет и распоряжаться будет. Так-то вот.

И еще одно немаловажное обстоятельство, говорит Алексей. В мире капитала главным мерилom является прибыльность. Любое дело, хорошее или плохое, капиталисты только с позиций прибыльности оценивают. Но не будет никогда астронавтика прибыльной. Чтобы продвигаться вперед, во Вселенную, нужны большие расходы ресурсов, а результат трудно прогнозируем. Скорее всего, вообще не будет очевидного результата. Да, наука шагнет вперед, мы узнаем, как устроены планеты Солнечной системы, узнаем, как формировались их ландшафты и так далее – но это знание в карман не положишь. А потому раньше или позже капиталисты свернут астронавтику. Не нужна она им. А нам – нужна. Потом что это часть нашего будущего. Для этого и революцию делали...

36 сутки полета

...Алексей высказал интересную мысль. Долго ее обдумывал и высказал. Американцы сами понимают шаткость своих построений, перенося капитализм на просторы Галактики. Поэтому умнейшие из них описывают все же коммунизм, но на религиозной основе. Взять хотя бы повесть из сборника. «Сироты небесные». Автор – Роберт Хайнлайн. Там к звездам летит огромный корабль. Летит он много столетий, потому что первого экипажа уже забыли, что существует внешняя Вселенная, весь их мир ограничен обитаемым объемом звездолета. И естественно у них царит некое подобие коммунизма. Но это не наш советский коммунизм. Это общество с

патриархальным укладом и развитой религиозной системой. И очень жестокое, почти тираническое, общество. Только таким западные писатели готовы видеть коммунистическое будущее. И в этом даже есть своя, хотя и извращенная, логика. Ведь первые коммуны, напомнил мне Алексей, создавались именно как религиозные общины. Например, в таких коммунах жили первые христиане, гонимые враждебным окружением. Равенство равных по рождению людей заменялось там на равенство перед богом. Однако религиозные культы всегда ведут к бесконтрольному росту фанатизма и к гибели общины. Коммунизм, основанный на слепой вере, а не на знании, не сможет долго существовать. У такого коммунизма нет будущего.

Тут я возразил Алексею, что его построения верны, конечно, но он упускает из виду немаловажное обстоятельство. Если американцы исторически обречены на поражение, потому что капиталисты не тратятся на убыточные проекты, а религиозные коммуны не имеют перспектив, то они должны до сих пор прозябать на Земле, завистливо глядя на улетающие в космос советские ракеты. Однако у американцев есть свой хороший космический флот. Да и спутник они запустили как-никак первыми. Из истории этот факт не вычеркнешь. Отныне и навсегда США будут считаться первой космической державой, и все наши последующие достижения, как ни горько это звучит, будут восприниматься только как продолжение дел и идей американцев. Значит, не только в

коммунизме, но и в капитализме есть некая движущая сила, которая позволила США еще в 1956 году выйти в космос, раздвинув горизонты доступного нам пространства.

– Разумеется, есть, – легко согласился Алексей. – Они тоже люди. А человек устроен таким образом, что стремится расширить горизонты, проникнуть в новую среду обитания. Если человек перестанет это делать, он вымрет. Все довольно банально. Но есть нюанс. Если для коммунистов расширение границ обитаемого мира – это естественное состояние, то для капиталистов это имеет смысл до определенного предела. Раньше или позже они подсчитают расходы и доходы и придут к выводу, что космические запуски избыточны, без них можно обойтись. Тогда они свернут свою космическую программу. Я скажу больше: современная американская космическая программа развивается благодаря нам и в противовес нам. Исчезни завтра Советский Союз и капиталисты перестанут летать в космос.

– И все же они были первыми, – отметил я. – Хорошо помню, как на нас это подействовало...

Я и в самом деле очень хорошо это помню. Сначала прошла информация ТАСС. Мол, в США был осуществлен запуск сверхвысотного аппарата военного назначения. В этом не было ничего удивительного. Такие сообщения можно было встретить довольно часто: и у нас, и в Америке запускались ракеты и высотные лаборатории, некоторые – с подопытными животными. К этому все привыкли. Поэтому я

пропустил заметку мимо внимания. Ожидал, что подробности появятся позднее – в «Новостях ракетной техники», которые я выписывал для нашей библиотеки. А потом, буквально уже 3-го сентября, все как с цепи сорвались. Пошли публикации в «Правде», «Комсомолке», даже в «Красной звезде». Сателлит! Надо же! Первый искусственный объект на орбите! Новая луна! Конечно, вспомнили сразу, что и у нас разработки велись соответствующие. Вспомнили и Циолковского, и геофизические ракеты. Но в публикациях чувствовалась и какая-то растерянность. Почему американцы первые? Ведь Циолковский был у нас. И он указал путь к звездам, он вывел формулу, которая позволяла рассчитать ракету для космического полета. Те из журналистов, кто более-менее разбирался в вопросе, предположили, что успех США предопределили немецкие трофеи и специалисты, вывезенные в конце войны из Германии. В этом предположении было здоровое зерно, ведь ракету для запуска сателлита делал Вернер фон Браун – конструктор «Фау-2». Он в Америке тогда был в большом авторитете, хотя, по сути, недобитый эсэсовец. Позднее тон публикаций изменился. Стали писать о военном значении сателлита. О том, что американская военщина претендует на господство в космосе, чтобы диктовать свои условия Земле. Вновь всплыл и активно муссировался подзабытый уже термин «форрестолотворение» – емкое словечко, означающее разработку планов по активному завоеванию космического пространства с целью достиже-

ния военного превосходства. Сейчас уже никто не помнит, кто был такой этот Форрестол и чем знаменит, но словечко запомнилось, и его употребляли к месту и даже не к месту.

Поскольку за мной закрепились репутация «лунатика», то все, от рядового срочной службы до комполка, стали обращаться ко мне за разъяснениями. Что за спутник такой? И в чем его военная функция? Пришлось поднапрячься и заказать литературу. Изучил тему в подробностях и доложил: так, мол, и так, ничего военного в американском спутнике нет. Глупый десятикилограммовый шарик. Называется «Орбитер». Все оборудование: ртутная батарея и радиопередатчик. Летает по низкой орбите и передает простой сигнал: «пип-пип-пип».

— Получается, что наши журналисты преувеличивают? — спросил меня замполит.

— А вот и нет, — ответил я.

И объяснил, что спутник — это, так сказать, первая ласточка. И не такая бессмысленная, как может кому-то показаться. По траектории движения спутника можно сделать выводы о характеристиках околоземного пространства и о гравитационном поле Земли. Со временем американцы научатся запускать более массивные спутники. И в них, помимо батареи и радиопередатчика, можно будет размещать фотокамеры и снимать земную поверхность, выявляя советские военные базы. А еще через некоторое время в спутник можно будет поместить ядерную боеголовку, чтобы свести

ее с орбиты в нужное время, нацелив на один из наших городов. Сбить такую космическую боеголовку невозможно, и эта гроза будет постоянно висеть у нас над головой.

– Неужели у нас ничего подобного нет? – спрашивали сослуживцы.

Тут, помнится, я пришел в замешательство. Что мне было ответить? Я знал, что у нас ведутся разработки по ракетной тематике. В космическое пространство, но без выхода на орбиту запускали уже и собак, и других подопытных животных. Обещали, что и спутник скоро запустим, и космическую обсерваторию. А там – и на Луну полетим. Десятки книг выходило. Тот же Ляпунов неоднократно писал. Но конкретики в те времена публиковалось очень мало. Кто спутник делает? Где? Откуда он в космос полетит? И на какой ракете? Только смутные слухи ходили. Событие, дескать, готовится, но до получения первых результатов оно засекречено. Что тут скажешь?... Отбрехался, конечно. Сказал, что по имеющимся у меня сведениям наш ответ заокеанскому агрессору будет неожиданным и превосходящим. И ведь, что интересно, не ошибся. Так оно в конце концов и получилось...

37 сутки полета

...Был двадцатиминутный сеанс связи с Землей. Сначала передавали данные по навигации и СЖО, потом обменивались приветствиями. Говорил с семьей, с Вaley. У них все нормально. Я и не сомневался.

С каждым месяцем сеансы будут все реже и реже. Мы экономим энергию. И так тащимся на самом пределе. Любой перерасход обойдется нам очень дорого. Но мы это знаем, а значит, вполне потянем на того верблюда, который пролез в угольное ушко.

Потом снова отдыхали и вспоминали первый спутник. Разговор плавно перешел на запуск нашего «Спутника-1», который состоялся только через год после американского триумфа – в день Сорокалетия Великого Октября, 7 ноября 1957 года. Это был ответ, которого ждали. И это был поразительный ответ.

«Спутник-1» ничем не напоминал глупый шарик «Орбигер». Нет, это был настоящий орбитальный самолет – крылатый красавец массой в полторы тонны, напичканный хитроумными приборами с радиоуправлением. На его борту находился «биологический груз»: собака Лайка, две черепахи и десяток мышей. Система жизнеобеспечения проработала пять полных суток, и все это время животные чувствовали себя нормально. Еще через неделю «Спутник-1» вошел в атмосферу и сгорел.

Даже бегло ознакомившись с характеристиками советского спутника, можно было сделать вывод, что это еще не полноценный космический корабль, а прототип. В объекте такой массы невозможно разместить человека с соответствующей СЖО. Да и система спуска с орбиты в компоновке «Спутника-1» не предусматривалась. С другой стороны, на-

личие крыльев, вытянутого обтекаемого фюзеляжа с теплозащитой говорило о том, что на орбиту выведен если и не серийный образец, то прототип космического корабля, а значит, очень скоро будут новые запуски, и в космос отправится человек. Советский человек.

Так я ситуацию своим сослуживцам и обрисовал. Мое выступлении произвело фурор в гарнизоне. Оно и понятно. Раньше они меня называли «лунатиком» в шутку. Никто не верил, конечно, что я смогу слетать на Луну или на Марс. У всякого есть хобби, но редко когда хобби превращается в профессию. А тут вдруг получается, что я могу и на самом деле полететь. И не только я.

Астронавтика и все, что с ней связано, сразу вошла в моду. Газеты доставлялись в гарнизон с опозданием, но шли нарасхват. Спецвыпуск «Правды», почти целиком занятый описанием «Спутника-1», затрепали и зачитали до дыр. У гарнизонного «лунатика» появился ревнивый соперник – инженер полка объявил о том, что выступит с популярной лекцией о достижениях наших ученых, которые проложили дорогу в космос. На лекцию пришли почти все офицеры, многие с женами и детьми. Я наблюдал, как загорались глаза подростков, когда инженер говорил, что в скором времени люди полетят к ближайшим планетам. Пацанов больше не интересовали самолеты и летчики, они их видели каждый день. Теперь сердца молодежи были отданы новой любви – космическим кораблям. Наши «МиГи» на этом фоне выглядели бледно.

Меня, конечно, подначивали, и я высказался, когда лекция закончилась. Врубил инженеру по полной программе. Сказал, что запуск спутника и полет к другим планетам – это разные вещи. Для того, чтобы слетать хотя бы к Луне, нужно строить большую орбитальную станцию как промежуточную базу. На этой уйдут десятки лет, а американцы спать в это время не будут. И они могут помешать нам выполнить задуманное. Однако, чтобы не разочаровывать пацанов, которых только что зажгла новая ослепительная идея, я сказал, что если «Спутник-1» полетел, значит, правительство не жалеет средств на астронавтику, тысячи или даже десятки тысяч специалистов трудятся сейчас по всей стране, чтобы решить эту грандиозную задачу: будут у нас и новые спутники, и орбитальная станция, и межпланетные корабли. Полетим ли мы в космос, неизвестно, а вот сегодняшних пацанов ждет великое будущее.

Были, конечно, и сомневающиеся. Как-то за чаркой один из сослуживцев (уж не помню кто) сказал, что ерунда все это: спутники, спутники, орбитальные станции. Что они дают народу? Жили без спутников и ничего. Надо, мол, оборону укреплять, а запуски спутников – сплошное баловство, деньги на ветер. Глупость, конечно. Я этому сомневающемуся просто сказал: мы живем в развитой социалистической стране, пользуемся электричеством, медициной, радио слушаем, ездим на автомобилях и поездах, летаем на самолетах – и только потому, что не считаем развитие глупостью. Та-

кой как ты в каменном веке тоже, небось, думал, зачем мне огонь, без огня жили и еще сто лет проживем. Так вот, вымер он – тот, который от огня отказался. А наши предки выжили и теперь готовы дальше двинуться, к звездам. А такие как ты вымрут!..

Рассказал эту историю Алексею. Он, разумеется, со мной солидарен. Ему тоже приходилось сомневающимся переубеждать. До первого полета на Луну много их было. А потом все стало ясно, и разговорчики эти прекратились.

– Что и говорить, – сказал Алексей, – американский сателлит изменил историю.

– Это в каком смысле? – удивился я.

– В прямом. Ты же помнишь, Сергей Павлович рассказывал. Если бы не «Орбитер», он бы до конца пятидесятых межконтинентальные ракеты клепал. А этот их запуск так весь мир всколыхнул, что нашим кремлевским руководителям стало ясно: космос поважнее на этом этапе будет. Какой толк делать ракеты, если весь мир за Америку. Ведь американцы в космос летают, а мы нет. Против целого мира не устоишь. Брожения даже у нас начались. Веру в будущее люди утрачивать стали. А это опаснее всего. Так что Политбюро правильно поступило, когда бросило все авиационные и ракетные бюро на разработку спутника и доводку ракеты. А потом темп только нарастал. Остановиться в таком деле трудно, – Алексей смеется с довольной миной. – Спасибо «Орбитеру»! Благодаря ему, мы сейчас и летим с тобой на Марс...

ФРАГМЕНТ ТРЕТИЙ

52 сутки полета

...Марс еще не виден. На корабле нет иллюминаторов. Поэтому Марс можно будет наблюдать через перископы системы навигации и кабину ракетоплана. Но до первой коррекции девять дней, а потому корабль ориентирован так, что в перископы видны только звезды. А в ракетоплан до ареоцентрической орбиты нам ходу нет, он законсервирован. Так что мы не знаем, как выглядит Марс после трети пройденного пути. Астрономы утверждают, что ничего особенного. С такого расстояния Марс должен выглядеть красной горошиной без четко очерченных элементов поверхности. Как в средний телескоп в момент Великого противостояния. Открытий мы никаких сделать не сможем. Разве что разглядим знаменитые каналы...

Алексей читает через плечо. Да, я вижу, что ты читаешь...

Обсудили тему каналов. В американском и советском сборниках есть несколько рассказов, в которых фигурирует Марс с каналами. Фантасты, вслед за учеными начала века, считают, что каналы – сооружение, созданное высокоразвитой цивилизацией. Однако современные астрономы скептически смотрят на эту гипотезу. На Марсе очень холодно, редко где температура поднимается выше нуля. Там очень разреженная и сухая атмосфера. Если бы по каналам текла вода,

то она испарилась или просто замерзла бы. Вряд ли на Марсе имеются открытые водоемы. Наверное, каналы – это все-таки огромные трещины в коре Марса, глубочайшие каньоны, каких нет больше ни на одной из планет Солнечной системы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.